

УДК 94(47)“1920/1922”

Д. А. Сафонов**В. Б. Безгин****Вовлеченные в противостояние: рядовые участники антисоветских выступлений периода Гражданской войны**

В статье предпринята попытка анализа доступной информации о рядовых участниках повстанческих выступлений 1920-х годов. Разработка этой проблемы серьезно осложнена сохранившейся источниковой базой. По мнению авторов, присоединение рядовых участников к повстанческим отрядам есть доказательство и осознанности выбора, и поддержки ими лозунгов и призывов самих выступлений. Массовость участия является также убедительным доказательством тезиса, что повстанческие выступления 1920-х годов выражали интересы масс земледельцев.

Ключевые слова: крестьянство, повстанчество, Гражданская война, рядовые участники.

В разработке темы повстанчества 1920-х годов можно выделить несколько качественных этапов, напрямую связанных с источниковыми возможностями и задачами исследователей. В советский период тема казалась совершенно безнадежной с точки зрения ее разработки: информационные возможности источников, казалось, практически отсутствовали, а в имеющихся работах она затрагивалась исключительно как подавление Красной Армией и чекистами контрреволюционных выступлений. Отсюда повстанцы (мятежники) воспринимались организационно и идейно как единое целое. Прекрасной иллюстрацией подхода можно полагать название главы широко популяризируемой на завершающем этапе советской историографии монографии Д. Л. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР» — «Разгул и крах мелкобуржуазной стихии при переходе от войны к миру» [12], в которой рассматривалось подавление повстанческих выступлений 1920-х гг. Уже в названии главы четко определялась идейная основа мятежников, определяемых в массе своей как кулаков, враждебных советской власти, что исключало по причине очевидности необходимость какого-либо дополнительного анализа их воззрений, лозунгов и т.п., а событийная сторона ограничивалась примерами жестокости и разгрома.

Когда же с началом «перестройки» тема как бы вернулась из небытия, то внимание исследователей было вполне объяснимо привлечено прежде всего к событийной стороне: начался поиск разрозненных доселе данных, сведение их в единое повествование (напр., [16; 26]). При этом исследователи, как правило, рассматривали повстанчество как составную часть общекрестьянского протеста, что делало крестьян-повстанцев едиными в их противостоянии с властью. Одновременно шло собирание документов, преимущественно из ранее недоступных фондов и хранилищ; стали появляться сборники документов и материалов [17; 18]. Принципы отбора источников для публикации более чем понятны — в первую очередь отбирались те документы, которые лучше и содержательнее всего раскрывали главную задачу — «причины, специфику, результаты крестьянского движения» [17, с. 4]. Следующим этапом изучения можно обоснованно полагать переосмысление собранных параллельно с прочими документами агитационных материалов повстанцев — воззваний, приказов и проч., как источников по воззрениям повстанцев, их программам. Затем достаточно предсказуемо пришел черед изучения наиболее ярких личностей в повстанческом движении, их лидеров, в отношении которых было накопле-

© Сафонов Д. А., Безгин В. Б., 2017

но более всего информации: подтверждение тому — начавшая выходить серия книг Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) [11; 24].

И наконец, на наш взгляд, вполне логично пришло время обратить исследовательское внимание на «статистов» восстаний, на те сотни и тысячи человек, которые своим участием собственно и создавали повстанческое выступление — на массы рядовых участников. Первые попытки в данном направлении носят, вполне предсказуемо, локальный характер [14]. Именно они представляют собой самую скрытую часть повстанческого выступления, поскольку информации о них менее всего. Все, что можно узнать об этих людях, содержится либо в следственных делах, либо в приговорах трибуналов. При этом они чаще всего ограничивались минимумом сведений. Доступ к подобным документам на всем протяжении постсоветского периода был достаточно затруднен.

Конечно, делать обобщенные выводы крайне сложно; выступления в различных регионах страны имели достаточно ощутимые различия: протест в Тамбовской губернии («Антоновщина») имел всеобщий характер, охватил многие населенные пункты губернии; выступление «Армии Правды» Сапожкова в Бузулуке было первоначально выступлением дислоцированной там воинской части; были повстанческие соединения, находившиеся в постоянном движении, в рейдах, как, например, отряды Вакулина, Серова, Охранюка, а были так называемые «армии», преимущественно из дезертиров («Голубая армия», «Зеленая армия» (Челябинская губ.)), невольно привязанные к району проживания. Единым во всех случаях было то, что все они пополняли свои ряды за счет местного населения.

Вариантов того, как люди попадали к повстанцам, несколько: добровольно, по принуждению и по воле случая. Последнее наблюдается при выступлении Сапожкова в Бузулуке — он объявил подчиненную ему дивизию «Армией Правды» и тем самым красноармейцы дивизии практически автоматически оказались в рядах мятежников.

Принуждаемыми можно полагать мобилизованных. Самые разные повстанческие соединения прибегали к мобилизации, но, на наш взгляд, мотивация этого была различной. В принципе ни для кого тогда уже не было секретом, что насильственно мобилизованные не являлись надежной боевой силой. Мы полагаем, что играл роль еще один момент — мобилизацию проводит *власть*, а потому объявление таковой повстанцами в определенном смысле было попыткой своей легитимации. В казачьих районах Южного Урала, где создавались «зеленые армии», мобилизации для населения были традиционны. Но был и второй путь принуждения. Поскольку повстанческие командиры в массе своей еще вчера были красными командирами, то неудивительно, что способы комплектации у них были прежними.

В условиях Гражданской войны известно немало примеров, когда пленных просто включали в строй победители — красных в белую армию, белых — в красную; речь идет, разумеется, о рядовых. В принципе и в этом случае сложно говорить об общности процесса. В сентябре 1920 г. 54 коммуниста сдались повстанцам «Зеленой армии» в станции Карагайской (Верхнеуральский уезд) — 33 человека добровольно вступили в отряд [19, л. 52 об.]. 3 июня 1921 г. в районе Адамовки произошел серьезный бой «Первой народной революционной армии» Охранюка-Черского с красными карателями. В итоге боя народармейцы с большими потерями отступили. В числе попавших в плен оказалось около 135 красноармейцев, попавших к «бандитам» за несколько часов до этого и теперь воевавших на их стороне [27, л. 53].

Был еще один вариант, который можно отнести к насильственному привлечению во вступление только условно, — когда в «банду» звали. Так, А. Кобзев сообщал: «В январе 1921 г. в наше село М. Зверьявку прибыл отряд банды под руководством Сторожева

Петра Ивановича в количестве до 20 человек для вербовки в банду. В числе других граждан я был забран Сторожевым в его квартиру, где [он] мне предложил перейти в банду. Я отказался, так как был болен и имел документы из Красной Армии по болезни. Тогда Сторожев взял у меня лошадь и уехал» [18, с. 284]. История имела продолжение в апреле: «Сторожев П. И. вторично приехал в наше село Зверьявку, где вытребовал меня к себе... По просмотру моих документов Сторожев П. И. выразился нецензурно и предложил мне идти в банду. Я отказался. Тогда по приказанию Сторожева меня вывели на улицу 2 бандитов, один с револьвером впереди, другой с винтовкой сзади. Намеревались расстрелять, задний даже ударил меня винтовкой, тогда я увидел, что выхода нет, и согласился быть в банде» [18, с. 285]. Учитывая, что это текст из протокола допроса, можно предположить, что завершение истории с угрозой расстрелом было придумано допрашиваемым для приемлемого объяснения своего участия в «банде». Есть свидетельства лиц, допрошенных по «сапожковскому мятежу», что мятежники вновь и вновь пытались уговорить задержанных присоединиться к ним.

Разумеется, отмечены случаи бегства в стан красных из лагеря повстанцев — особенно это проявилось в отношении красноармейцев Сапожкова. Показательно, что позднее именно в данном случае следователи особо выясняли впоследствии, почему допрашиваемый не бежал от Сапожкова сразу. Вопрос — почему бежал? — не ставился, но, как нам кажется, на него своеобразно ответил в своих показаниях дезертир Алексей Свиягин, который служил в сапожковской дивизии с мая по июль, т.е. до выступления: «Сначала Сапожков вел хорошо себя, потом в последнее время пошел против советских власти стал набирать скотину и роздavat крестьянам и я понял что он етим подрывает советскую влас и я порешил убежат» (орфография подлинника) [9, л. 186].

Но есть и иные примеры переходов, причем неоднократных. Так, А. Иващенко из сапожковского эскадрона попал в плен к карателям, был возвращен в строй и спустя некоторое время, выгадав момент, вновь перешел к мятежникам [7, л. 350 об.]. Красноармеец Яков Перелыгин в 1920 г. дезертировал и по возвращении принял активное участие в восстании крестьян села Парадеево Романовской волости «на почве продрозверстки». После того как выступление было подавлено, он вновь вернулся в Красную Армию, где прослужил до 1922 г. [13, л. 113].

И наконец, добровольцы. Мы полагаем добровольчество основным источником повстанчества, что является показательным и убедительным аргументом в пользу сделанного людьми сознательного выбора. Так, по данным выездных сессий Тамбовского губчека, число добровольно примкнувших к «бандитам» в с. Верхоценье Тамбовского уезда — 868 чел. (40%); в с. Туголуково Борисоглебского уезда — 1382 (50%); в с. Курдюки Кирсановского уезда — 462 (50%) [15, с. 162].

При этом факты свидетельствуют, что успехи и неудачи повстанцев не были определяющим фактором притока добровольцев. Отряд «Зеленой армии», действовавшей в Челябинской губернии, занял станицу Уйскую всего на несколько часов, затем отступил под напором красных — иными словами, положение было очевидно сложным; однако в отряд пошли добровольцы, он увеличился чуть ли не вдвое [19, л. 53 об.]. Начальник штаба войск ВЧК КССР Мессьер, неоднократно сообщая о «беспощадной проффуражировке», проводимой серовцами по пути и потому вызывающей «враждебное отношение к банде», тем не менее был вынужден отметить, что при выходе из Ново-Илецка «было много желающих вступить в банду», но взяли «только триста человек» [28, л. 58]. Агент сообщал, что «вообще сапожковцы не проводили мобилизации, а пользовались силой добровольцев» [6, л. 156]. Работник политотдела 2-й Туркдивизии Г. Суриков показал, что «в дивизии Сапожкова остались одни честные идейные борцы» [4, л. 57].

Изучение разрозненных биографических данных рядовых участников повстанческого движения дает основание для мнения, что в большинстве своем их решение примкнуть к восстанию было продиктовано не общими идейными соображениями или представлениями, но являлось результатом ситуационного выбора. Мотивом, как правило, становились конкретные действия местных властей (продразверстка, конфискации, реквизиции и т.п.). Многие участники повстанческого движения имели опыт империалистической войны, который, в свою очередь, предопределял их склонность к насилию, как, впрочем, жестокость противостояния в целом.

Информационные возможности для получения представления о воззрениях рядовых участников оказываются крайне ограниченными. В отношении руководителей, наиболее активных деятелей ситуация несколько иная: в случае попадания в руки коммунистических властей их допрашивали детально, порой уточняя факты и идейные позиции. Программные документы конкретного выступления — программы, декларации, воззвания, приказы и т.п. — априори оценивались как выражение взглядов и лозунгов руководителей данного выступления. Массе участников в обладании идейными позициями было, по сути, отказано — вот почему современные документы много говорили об обманутых массах, сбитых с толку демагогией, и т.п.; обращение с ними было соответствующее. Собственно, включение в ряды своей армии пленных солдат противника есть прежде всего косвенное признание таковых в качестве инертной массы, пушечного мяса, для которого не принципиально, с кем и против кого воевать.

Судьба рядовых после подавления выступлений коммунистические власти в принципе не интересовала, как не интересовала и во время подавления. Мы не в состоянии дать какую-либо статистику, поскольку учета повстанцев по понятным причинам не велось. Исключением является «Зеленая армия», созданная в начале августа 1920 г. в Миасском уезде. Она была разгромлена в ночь с 7 на 8 октября; на месте разгрома красным достались помимо книг приказов списки всех добровольцев [19, л. 64 об.]. Единственным источником по рядовым участникам являются приговоры трибуналов, где фиксировались минимальные данные о каждом: возраст, происхождение, место проживания (это помимо инкриминируемого деяния). Мы имели возможность проанализировать приговоры по «Армии Правды» Сапожкова, но поскольку речь идет о восстании воинской части, укомплектование которой происходило за счет местных сил, то практически все привлеченные — несколько сот человек — это Бузулукский, Пугачевский уезды со средним возрастом 20—30 лет. Однако стоит учесть, что далеко не все рядовые участники доходили до трибунала.

О судьбах пленных источники предпочитали молчать. Есть лишь разрозненные факты, только изредка, как бы случайно, проскальзывали отдельные фразы. Например, мемуарист, повествуя о борьбе с отрядами Серова летом 1921 г., упоминал о приказе с целью усиления мобильности карательных войск отказаться от обозов; пленных при этом было приказано «вывести в расход» [29, л. 14]. Сводка ЧК, информировавшая о разгроме повстанческого штаба Булыгина, коротко итожила: «Много побито и потоплено в реке» [20, л. 133 об.]. Да и после пленения до следствия повстанцам надо было просто дожить. Есть данные, что только в Бузулукском уезде было расстреляно более 4 тыс. сапожковцев [30, с. 94]. Пленные народармейцы Охранюка-Черского сразу расстреливались на месте [20, л. 117 об.]. Остатки Народной Армии Охранюка сдались в начале июня 1921 г. и были уничтожены. Истребление безоружных людей продолжалось несколько дней. Секретная телеграмма в ВЧК от 7 июня коротко сообщала: «Изрублено около 1500 чел.» [20, л. 118 об.]; патроны было решено экономить.

Еще «до следствия» пленные повстанцы заключались в концентрационные лагеря. В частности, в марте 1921 г. в Челябинском лагере принудительных работ содержалось 379 участников Западно-Сибирского восстания [25, л. 48].

Также существовала внесудебная расправа политбюро, которое фактически предопределяло судьбу арестованных еще до суда. Вот типичный образчик такого документа: «Заключение. Рассмотрев следственный материал и характеристику дела вооруженных бандитов в числе 40 человек, принимая во внимание тяжелое положение Советской власти в период трехлетней борьбы на фронтах с хищниками мирового капитала и тяжелое экономическое положение Республики, когда все силы Республики должны приступить к поднятию промышленности и транспорта, а темные реакционные силы, которые мешают строительству нового социалистического отечества, пошли против власти трудящихся, играя на инстинктах темной массы — «долой коммунистов, да здравствует власть советов» — и на эту удочку темная масса крестьян с оружием в руках пошла громить советы, для того, чтобы реакция снова мешала мирному строительству власти рабочих и крестьян, а потому дело передаю выездной сессии Челябинского губревтрибунала. Полагал бы и настаивал к бандитам в числе 21 человека 1-й категории и группы как несправедливых предателей власти Советов применить высшую меру наказания — расстрелять. А группе 2-й — в числе 19 человек на усмотрение суда. Уполномоченный политбюро Ильин» [22, л. 7].

Да и само «следствие» чаще всего было номинальным. «Расследование», если это только можно называть таковым, велось не столько на основании фактов и улик, сколько на основании классового подхода, сообщений местных партийцев, осведомителей (агентов). Так, на основе доклада агента от 17 августа 1920 г. о том, что на марше «Армии Правды» якобы «сзади» шел эскадрон, «который тщательно обыскивал каждый дом, куст, канаву, и если находили, то редко возвращали в полк выпоротых, чаще рубили», трибунал объявил 8-й кавполк особым — «играл роль боевые задания, охрана пленных, благодаря ему восстание не было ликвидировано», и потому все взятые в плен из этого полка были расстреляны за «активное сознательное участие в восстании» (орфография подлинника) [6, л. 156; 3, л. 118].

Следственные дела представляют собой порой действительную загадку, почему в отношении того или иного человека в итоге было принято определенное решение. Приведем практически полностью протокол допроса Николая Бесова, 1873 г. р., чернорабочего, арестованного по восстанию в с. Петровке Преображенской волости Орского уезда: «Протокол № 3. 19 декабря 1920 г. Следователь Особого отдела Зайцев. Вопрос: Что вы знаете о восстании в Петровке. Ответ: Кулаки сделали собрания на которые вынесли протокол о восстании против Советской власти и организовали штаб. Вопрос: Кто был агитатором и руководителем которые сейчас арестованы. Ответ: Вооруженные и стояли в карауле Капей Лямин, Балакин Никифор, Бесов Данил Ив. были пиками и палками. Вопрос: Чем вы были вооружены и какую несли службу и какую должность занимали. Ответ: Нес службу что стоял в карауле с палкой никакой должности не занимал. Вопрос: Поддерживаете Советскую власть и почему не дали сведения? Ответ: Советскую власть я поддерживаю, но боясь смерти и угрозы бандитов не смог давать сведения. Вопрос: Признаете себя виновным в участии. Ответ: Признаю себя виновным в участии. Вопрос: Еще что можете показать. Ответ: Ничего не могу показать» (орфография подлинника) [1, л. 2—2 об.]. И еще в деле есть свидетельство красноармейца Свешникова: «Когда я попался в плену в Петровку к бандам меня посадили в дом, где находились арестованных то приходил гражданин села петровки бесов Николай с пикой в руках, наставлял в грудь мне и говорит: “ты нужно приколоть а не нужно держать тебя здесь вы поели на-

ших кур и яиц и идете на нас воевать”» (орфография подлинника) [1, л. 3 — 3 об.]. Более никаких документов в деле нет, только приговор от 24 декабря — расстрел.

Естественно, никакого единообразия в действиях следователей и трибуналов в различных регионах страны не было и не могло быть — отсутствие законов заменялось революционной сознательностью «судей». У самих же «судей», ввиду массовости рассматриваемых однотипных дел, нарабатывались определенные клише приговоров. Так, в Челябинской губернии приговоры революционного трибунала содержали практически единую формулировку: «Все вышепоименованные граждане своими преступными деяниями, совершенными в момент напряженной борьбы трудящихся рабоче-крестьянской республики на трудовом фронте и усиленные работы по проведению посевной кампании, от которой зависят все судьбы рабочего класса, крестьянства и пролетарской революции, нанесли непоправимый ущерб работе в строительстве социалистического хозяйства. Посылая на срыв посевной кампании, обрекали миллионы трудящихся масс центра на голодную смерть, чем выявили себя непримиримыми врагами рабочих и крестьян, стоящих на страже пролетарской революции» [21, л. 79].

Очевидно, судьба каждого рядового повстанца была predetermined наличием или отсутствием определенных условий. Мы говорим о рядовых, поскольку судьба руководителей и активистов была predetermined изначально — физическое уничтожение. В отношении прочих участников мотивом к обвинению могло быть что угодно: слова надежного свидетеля, нахождение в повстанческом карауле, обидные речи арестованным коммунистам или продотрядникам, даже такое, какое было предъявлено в мае 1922 г. В. Журавлеву: «...в знак преданности бандитам при занятии таковыми деревни Мартино собственноручно сорвал со стены плакат по продразверстке» [23, л. 653].

Вообще репрессивные меры в отношении повстанцев и им сочувствующих осуществлялись практически сразу же с началом акций подавления. Так, при выступлении «Армии Правды» район выступления был изолирован и кордоны коммунистических войск задерживали всех, кто шел от Бузулука. Арестованные участники и просто задержанные без документов — все задерживались до выяснения обстоятельств; их без счета грузили в вагоны (в архиве есть телефонограмма об отправке «девяти вагонов арестованных» [6, л. 385]) и отправляли в Самару, в фильтрационный концлагерь, размещенный в бывшем городском ломбарде.

Как уже отмечалось, в комплексе нам удалось изучить всю документацию трибуналов только по данному восстанию, что позволило сделать некоторые наблюдения. Приговор в отношении руководителей был predetermined изначально. В сходном положении находились члены РКП(б): независимо от того, какие посты они занимали, — приговор гласил: расстрелять как «членов РКП» [5, л. 71, 155]. Аналогичное обвинение находим в приговоре Ивану Карякину, бывшему военкому отдела снабжения 2-й Туркдивизии: член РКП, дискредитировал РКП и изменник революции и потому — расстрелять немедленно [2, л. 62].

Расстреливались красноармейцы кавполка, а также пулеметчики [3, л. 39, 45, 53, 57]. В целом по делу «Армии Правды» было 99 приговоров на 1243 человека. По нашим подсчетам, из них оправданы были 6,6%, расстреляны 12,6%. Значительная часть — 995 человек получили принудительные работы от года до 15 лет с условным досрочным освобождением и с немедленной отправкой на фронт (более всего — 647 человек — получили срок 5 лет). Специфичность решения можно объяснить тем, что дивизия еще до восстания готовилась к отправке на западный фронт.

И последний момент, заслуживающий внимания, — поведение рядовых членов выступлений во время следствия. Откровенны в своих показаниях были те, кто не без основа-

ний полагали себя обреченными, все остальные стремились к обратному — скрытности, уклонению от подробных ответов. В принципе это вполне в русле давней крестьянской традиции поведения в отношении карательных органов. И в XIX в. жандармы в своих поисках констатировали постоянное столкновение со стеной неприятия со стороны крестьян, стремившихся минимизировать свою причастность к какому-либо событию через заявления о незнании, непонимании, отговорками темнотой и необразованностью. Сходным образом спрошенные красноармейцы «отвечали, что они сами блуждают в темноте, и говорили, что у них затевается нечто вроде “Емельки Пугачева”» [8, л. 517 об.] или: «Мы спросили, кто бьет, они не говорят, и сказали в тебя бьют, бей и ты, ничего этого не знаем» [6, л. 62 об.].

С началом Гражданской войны крестьянин попытался дистанцироваться от происходящего, массовое дезертирство в Красной Армии и неявка мобилизованных на пункты отправки — свидетельство тому. Но «отсидеться» не получилось. Мужик оказался между молотом и наковальней. Когда угроза возвращения прежнего барина миновала, а хлебный грабёж в 1920 г. продолжался, крестьянин был вынужден оказать такой власти сопротивление. Рядовые участники повстанчества были вовлечены в восстания и силой обстоятельств, и присущим мужику прагматизмом. Определенную роль в этом выборе сыграли традиции сопротивления, районы, охваченные повстанчеством, удивительным образом совпадали с местами наибольшей активности погромного движения 1905—1906 гг. Нельзя не учитывать и то, что большая часть повстанцев имела за плечами опыт империалистической войны и, следовательно, была привита насилием. А потом никуда не уйти от вечно крестьянского поиска «правды и справедливости», которые находили для себя в действиях бандформирований некоторые из них.

Коммунистическая власть, вопреки классике закона, спросила за «грехи», а по ее оценке — за преступление, дважды. По «горячим следам» наказание для рядовых участников антиправительственных выступлений было достаточно мягким. Повторно пришлось ответить «по полной программе», вплоть до расстрела. Клеймо причастности к повстанцам оставалось на всю жизнь; поиски уцелевших от расправы продолжались вплоть до начала 30-х годов — позднее уже точно не было кого разыскивать. Обвинение в причастности к событиям 1920—1922 гг., сделанное ли в форме доноса или же просто публичного заявления, например на собрании, гарантированно вызывало нужную реакцию властей. Так, например, в 1937 г. в Тамбове был осужден Петр Сторожев, как «в прошлом активный участник банды Антонова». В дальнейшем ему было поставлено в вину воссоздание «к.-р. повстанческой организации, созданной им из бывших бандитов — антоновцев, ставящей своей задачей подготовку вооруженного выступления и свержение Советской власти в тылу страны в момент военных нападений на СССР» [10, л. 199 об.].

Участие в повстанческих выступлениях рассматриваемого периода рядовых участников невозможно индивидуализировать по объективным причинам узости источниковой базы, поэтому мы полагаем возможным говорить об этом в целом, как явлении. Рядовые участники повстанческих выступлений — показатель осознанности выбора, а значит, поддержки ими лозунгов и призывов самих выступлений, свидетельство схожести взглядов, лучшее доказательство того, что повстанческие выступления 1920-х гг. выражали интересы масс земледельцев.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX — начала XX века (региональный аспект)», проект № 15-01-0017.

Список использованных источников и литературы

1. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8. Д. 22297.
2. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8. Д. 13883. Т. 5.
3. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8. Д. 13883. Т. 6.
4. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8. Д. 13883. Т. 7.
5. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8. Д. 13883. Т. 10.
6. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8. Д. 13883. Т. 11.
7. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8. Д. 13883. Т. 14.
8. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8. Д. 13883. Т. 17.
9. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8. Д. 13883. Т. 18.
10. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. Р-11664.
11. «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2015. 856 с.
12. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР : в 2 т. 4-е изд. М. : Политиздат, 1986. Т. 1. 333 с. ; Т. 2. 397 с.
13. Государственный архив Оренбургской области. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 104.
14. Иванов Д. П. К вопросу о мотивах и предпосылках участия отдельных личностей в крестьянском восстании 1920—1921 гг. в Тамбовской губернии // Общество и государство в России: традиции, современность, перспективы : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Л. Аврех ; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. Вып. 2. С. 126—140.
15. Иванов Д. П. Понятие «мятежерайон» применительно к крестьянскому восстанию в Тамбовской губернии 1920—1921 гг. // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. 2007. Вып. 2 (46). С. 156—162.
16. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. М. : Янус-К, 2001. 544 с.
17. Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 944 с. (Крестьянская революция в России. 1902—1922 гг.: Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина).
18. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы / Интерцентр ; Гос. архив Тамбовской обл. [и др.]. Тамбов, 1994. 334 с.
19. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 77. Оп. 1. Д. 127.
20. ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 344.
21. ОГАЧО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 69.
22. ОГАЧО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 70.
23. ОГАЧО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 510.
24. От «германской» к гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты : сб. статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2014. 624 с.
25. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 130. Оп. 5. Д. 869.
26. Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920—1921 гг. и Южный Урал. Оренбург : Оренбургская губерния, 1999. 316 с.
27. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 233.
28. ЦДНННО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 360.
29. ЦДНННО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 118.
30. Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918—1921 гг. Иерусалим, 1987. 251 с.

Поступила в редакцию 11.06.2017

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный университет
Российская Федерация, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
E-mail: d_safonov@mail.ru

Безгин Владимир Борисович, доктор исторических наук, профессор
Тамбовский государственный технический университет
Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 106
E-mail: vladyka62@mail.ru

UDC 94(47)“1920/1922”

D. A. Safonov**V. B. Bezgin****Involved in the confrontation: ordinary participants in anti-Soviet actions during the Civil War**

The article attempts to analyze the available information on rank-and-file participants in the insurgent actions of the 1920s. The development of this problem is seriously complicated by the remaining source base. In the opinion of the authors, the accession of rank-and-file participants to rebel detachments is proof of both awareness of the choice and their support of slogans and appeals for actions. The mass participation is also a convincing proof of the thesis that the insurgent speeches of the 1920s expressed the interests of the peasant masses.

Key words: peasantry, insurrection, civil war, rank-and-file participants.

Safonov Dmitry Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor

Orenburg State University

Russian Federation, 460018, Orenburg, prospect Pobedy, 13

E-mail: d_safonov@mail.ru

Bezgin Vladimir Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Professor

Tambov State Technical University

Russian Federation, 392000, Tambov, ul. Sovetskaya, 106

E-mail: vladyka62@mail.ru

References

1. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Federal Security Service Directorate Archives of the Orenburg region]. F. 8003. Op. 8. D. 22297.
2. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Federal Security Service Directorate Archives of the Orenburg region]. F. 8003. Op. 8. D. 13883. Vol. 5.
3. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Federal Security Service Directorate Archives of the Orenburg region]. F. 8003. Op. 8. D. 13883. Vol. 6.
4. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Federal Security Service Directorate Archives of the Orenburg region]. F. 8003. Op. 8. D. 13883. Vol. 7.
5. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Federal Security Service Directorate Archives of the Orenburg region]. F. 8003. Op. 8. D. 13883. Vol. 10.
6. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Federal Security Service Directorate Archives of the Orenburg region]. F. 8003. Op. 8. D. 13883. Vol. 11.
7. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Federal Security Service Directorate Archives of the Orenburg region]. F. 8003. Op. 8. D. 13883. Vol. 14.
8. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Federal Security Service Directorate Archives of the Orenburg region]. F. 8003. Op. 8. D. 13883. Vol. 17.
9. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Federal Security Service Directorate Archives of the Orenburg region]. F. 8003. Op. 8. D. 13883. Vol. 18.
10. *Arkhiv UFSK RF po Tambovskoi oblasti* [Federal Security Service Directorate Archives of the Russian Federation for the Tambov region]. D. R-11664.
11. “*Atamanshchina*” i “*partizanshchina*” v *Grazhdanskoi voine: ideologiya, voennoe uchastie, kadry: sb. statei i materialov* [“Atamanshchina” and “partisanshchina” in the Civil War: ideology, military participation, cadres: a collection of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2015. 856 p. (In Russian)
12. Golinkov D. L. *Krushenie antisovetskogo podpol'ya v SSSR: v 2 t. 4-e izd.* [The collapse of the anti-Soviet underground in the USSR: in 2 vols]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. Vol. 1. 333 p.; Vol. 2. 397 p. (In Russian)
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archives of the Orenburg Region]. F. R-636. Op. 1. D. 104.

14. Ivanov D. P. K voprosu o motivakh i predposylkakh uchastiya otdel'nykh lichnostei v krest'yanskom vosstanii 1920—1921 gg. v Tambovskoi gubernii [On the question of the motives and prerequisites for the participation of individuals in the peasant uprising of 1920—1921 in Tambov province]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Rossii: traditsii, sovremennost', perspektivy: sb. nauch. st.* [Society and the state in Russia: traditions, modernity, perspectives: a collect. of sci. art.]. Tambov, TGU im. G. R. Derzhavina Publ., 2006, is. 2, pp. 126—140. (In Russian)
15. Ivanov D. P. Ponyatie “myatezheraion” primenitel'no k krest'yanskomu vosstaniyu v Tambovskoi gubernii 1920—1921 gg. [The concept of “rebellious region” in relation to the peasant uprising in the Tambov province of 1920—1921]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im. G. R. Derzhavina*, 2007, is. 2 (46), pp. 156—162. (In Russian)
16. Kondrashin V. V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918—1922 gg.* [The peasant movement in the Volga region in 1918—1922]. Moscow, Yanus-K Publ., 2001. 544 p. (In Russian)
17. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e. 1919—1922 gg.: Dokumenty i materialy* [Peasant movement in the Volga region. 1919—1922: Documents and materials]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2002. 944 p. (Danilov V., Shanina T., eds. *Krest'yanskaya revolyutsiya v Rossii. 1902—1922 gg.: Dokumenty i materialy*). (In Russian)
18. *Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoi gubernii v 1919—1921 gg. (“Antonovshchina”): Dokumenty i materialy* [Peasant uprising in Tambov province in 1919—1921. (Antonovschina): Documents and materials]. Tambov, 1994. 334 p. (In Russian)
19. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti* [United State Archives of the Chelyabinsk Region] (OGACHO). F. 77. Op. 1. D. 127.
20. OGACHO. F. 77. Op. 1. D. 344.
21. OGACHO. F. 96. Op. 2. D. 69.
22. OGACHO. F. 96. Op. 2. D. 70.
23. OGACHO. F. 96. Op. 2. D. 510.
24. *Ot “germanskoi” k grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty: sb. statei i materialov* [From “Germanic” to Civil: the formation of the corps of people’s leaders of the Russian revolt: a collection of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2014. 624 p. (In Russian)
25. *Rossiiskii Tsentri khraneniya i izucheniya dokumentov noveishei istorii* [The Russian Center for the Storage and Study of Documents of Recent History]. F. 130. Op. 5. D. 869.
26. Safonov D. A. *Velikaya krest'yanskaya voyna 1920—1921 gg. i Yuzhnyi Ural* [The Great Peasant War of 1920—1921 and the Southern Urals]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., 1999. 316 p. (In Russian)
27. *Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Orenburgskoi oblasti* [Center for Documentation of the Newest History of the Orenburg Region] (TsDNIOO). F. 1. Op. 1. D. 233.
28. TsDNIOO. F. 1. Op. 1. D. 360.
29. TsDNIOO. F. 6002. Op. 1. D. 118.
30. Frenkin M. *Tragediya krest'yanskikh vosstanii v Rossii 1918—1921 gg.* [The tragedy of peasant uprisings in Russia in 1918—1921]. Ierusalim, 1987. 251 p. (In Russian)